

**Диалектика в проблематике трансцендентальной
аналитики Канта**

Структура процесса познания с точки зрения философии Канта продолжает оставаться предметом историко-философских исследований. Стремятся точнее, адекватнее понять Канта. Или путем соответствующих теоретических включений устранить некоторые неясности, недоговоренности, а то и противоречия в ходе его рассуждений. Сопоставляют учение Канта с современной нам гносеологической проблематикой, чтобы не утратить ничего такого, в чем Кант был подлинным новатором и что отнюдь не потеряло значения и в наши дни. Делается это с разных мировоззренческих и методологических позиций, и результаты исследований оказываются подчас существенно разными, какая бы из трех отмеченных выше задач при этом ни ставилась.

Например, вновь дискутируется вопрос о взаимоотношениях, по Канту, восприятий, или чувственных впечатлений (*Empfindungen*), с вещами в себе и с трансцендентальным аппаратом субъекта. При этом обсуждаются, в частности, возможности разных гносеологических трактовок впечатлений, и выделяют их в основном три. «Впечатления» как понятия гносеологии Канта истолковываются то (а) как полностью субъективные модификации состояний субъекта, а значит, его субъективные представления, (б) как продукты аффицирования субъекта эмпирическими предметами во времени и пространстве либо (в) как результаты аффицирования субъекта вещами в себе. Если эти решения, обязанные, конечно, опираться на тщательный анализ текстов Канта, не обособлять уже заранее друг от друга, обнаруживаются диалектические ситуации.

В новейшем исследовании М. Кайми эти диалектические ситуации, однако, к сожалению, обойдены стороной. Автор проанализировал и сопоставил взгляды на данный вопрос Г. Файхингера¹, Г. Когена², Э. Адикеса³, А. Рилиа⁴ и других кантоведов и неокантианцев и провел качественное различие между субъективностью общезначимых времени и пространства, субъективностью ощущений вторичных качеств и субъективностью явлений, где пространственно-временные структуры (первичные качества предметов) соединены с впечатлениями вторичных качеств. В конечном счете М. Кайми приходит к позиции, близкой взглядам Э. Адикеса. Согласно Адикесу, у

Канта имеет место *двойное аффицирование*: вещи в себе воздействуют на трансцендентальный субъект, вызывая в нем актуальные созерцания пространственно-временных структур предметов, а эти эмпирические предметы производят психологическое аффицирование эмпирического субъекта, вызывая в нем переживания вторичных качеств. Таким образом, эмпирические предметы обретают конкретное чувственное бытие⁵.

При всей скрупулезности анализа данная работа, как и многие другие ей предшествовавшие, обнаруживает увлеченность автора построением логических «перемычек» между разными фрагментами теории познания Канта, но оставляет неустрашенными основные ее внутренние противоречия. У самого Канта явных положений о двойном аффицировании (в указанном или в иных смыслах) не имеется⁶. Что касается реальной проблемы вторичных и первичных качеств, то для своего *детального* разрешения этот «диалектический орешек» взаимодействия субъективной формы и объективного содержания ощущений требует дальнейших анатомо-физиологических, биохимических и физических изысканий. Западных кантоведов они обычно совсем не интересуют.

Столь же интересные проблемы, обладающие широким спектром диалектических возможностей, возникают при исследованиях перехода к теоретическому познанию и в основной сфере последнего, т. е. в трансцендентальной аналитике Канта. Из многих работ на эти сюжеты (Г. Хаймсот, Г. Книттермайер, Ф. Мартин, К. Н. Смит, Т. Валентинер, В. Веркемистер и др.) выделяются те, авторам которых присуще стремление заново переосмыслить кантовский априоризм. В том числе переосмыслить в свете факта так называемой теоретической «нагруженности» эмпирических констатаций и понятий. Позитивисты и более откровенные идеалисты используют этот факт для вывода о полной будто бы зависимости *содержания* знаний от мыслительной деятельности субъекта, аналогично истолковывая и априоризм Канта. *Материалисты* видят и в этом факте, и в априоризме Канта разного характера проявления и теоретическое отображение творческой активности субъекта в процессе познания, а также воздействия прошлого опыта на будущий. Но это отнюдь не означает того, что субъект есть источник всего или почти всего содержания знания. Только при *втором* методологическом подходе возникает реальная возможность широко раскрыть наличие многих диалектических моментов в Кантовой аналитике познания.

Действительное содержание трансцендентальной аналитики Канта было направлено против двух неприемлемых для него познавательных концепций, — прежде всего, против традиционного идеалистического рационализма, который обещал прямое проникновение разума в сущность вещей, т. е. уповал на интеллектуальную интуицию в смысле непосредственного созер-

цания истины мыслящим разумом. Но также и против всей прежней материалистической традиции, в которой все более определенно вырисовывалась теоретико-познавательная роль ощущений и рассудка как первого и последующего участников непрерывного восхождения от незнания к знанию. Вместе с тем именно Кант предпринял попытку по-своему, через предварительное взаиморазмежевание областей действия, а значит, через противоположность, т. е. *диалектически* уже в гегелевском понимании этого термина, соединить через априоризм интеллектуальные и сенситивные способности человека в единый процесс (отсюда налицо глубокодиалектический момент в исходном пункте учения Канта о познании — в его утверждении о существовании синтетических суждений a priori).

В своей трансцендентальной аналитике Кант в определенном смысле слова повторил прием Лейбница, который для преодоления противоположности между теорией врожденных идей и концепцией *tabula rasa* использовал понятие врожденных потенций, — от их наличия в неразвитом состоянии душа человека еще не наполняется знанием и в этом смысле остается «чистой доской», но сам факт их существования реабилитирует то рациональное содержание, которого прежняя теория врожденных идей, уходящая своими историко-философскими корнями к «анамнезису» Платона, не была начисто лишена. Соответственно Кант теперь применяет понятие укорененных в сознании субъекта воззрительных и категориальных диспозиций. Априорная диспозиционность (предрасположенность) к употреблению определенного выбора устойчивых форм познания и знания ориентирована на то, чтобы преодолеть противоположность между чувственной пассивностью и мыслительной активностью, между сенситивной воззрительностью и дискурсивной абстрактностью. От наличия априорных форм как таковых субъект еще не получает никакого содержательного знания, но именно они делают знание возможным, ибо без них, согласно Канту, всякое содержание знания остается на предшествующей стадии как всего лишь предварительный материал. Априорные формы чувственного познания одновременно и воззрительные (они суть *keine Anschauungen*, чистые созерцания) и абстрактны. Тем более абстрактны категории. Априорные формы мыслящего познания (мышление как таковое еще не есть познание) активны, поскольку активна в их наложении на содержание познания трансцендентальная способность субъекта, а априорные формы чувственности, т. е. пространство и время, и активны (в силу той же причины) и пассивны (в силу своей созерцательности). Отчасти пассивны и категории, так как они неизменны, а состав их набора у Канта ограничен.

Априорность категорий означает у Канта не их актуальную врожденность, а потенциальную их присущность структуре

сознания, способного познавать. Они актуализируются немедленно, как только сознанию оказывается предстоящим чувственный опыт. И в то же время категории независимы от опыта, и в этом Кант видит существенную черту самого понятия «априорность». Помимо категорий, чувственный опыт не может преобразоваться в знание о природе, без них не может сформироваться наука. Но с другой стороны, пока нет суждений восприятия, нет актуально и категорий, задача которых состоит в том, чтобы преобразовать суждения восприятия в суждения теоретического опыта. «...Превращению восприятия в опыт предшествует еще совершенно другое суждение» (4(1), 118)*, а именно указанное суждение восприятия (ему в свою очередь предшествует логически неопределенное высказывание наблюдения). Переход трансцендентальных способностей в априорные формы «ухватывается» Кантом как своего рода вариант аристотелевского перехода возможности в действительность, и здесь снова смутно проглядывает подлинная диалектика.

Когда Кант выводит свой категориальный органон, он поступает аналогично тому, как Аристотель анализировал структуру логического единства суждений, ибо по сути дела использует формально-логические разграничения и соотношения для диалектических по своей тенденции целей. Характерное для классического рационализма выведение реальных связей из логических воспроизводится «критическим» Кантом в суженном, «усеченном» варианте, как только выведение одних лишь гносеологических соотношений из собственно логических. Здесь возникает впечатление, будто у Канта формальная логика как таковая непосредственно созидает, «порождает» логику трансцендентальную, но это неточный вывод, дело обстоит гораздо сложнее.

Трансцендентальная логика Канта включает в себя формальную логику, и это имеет место в двух смыслах. Во-первых, в том смысле, что трансцендентальная логика не имеет никакого иного, помимо традиционного, логического аппарата своего построения и совершенствования, а во-вторых,— в том, что она использует для построения трансцендентальной аналитики *содержательные* возможности именно этого аппарата. Кант возвратил формальной логике в данном случае ее аристотелевское наименование, однако дал ей новое применение: она призвана теперь помогать в исследовании и обосновании трансцендентального характера априорных правил способа упорядочения и соединения чувственного материала познания, ибо для такого соединения одних только форм созерцания недостаточ-

* Здесь и далее ссылки на сочинения И. Канта по изданию: Кант И. Сочинения в 6-ти т. М., 1963—1966 — даются в тексте в круглых скобках (цифра до запятой обозначает том, после запятой — страницу).

но, а собственно логические формы, если брать их только со стороны *этой* их формы, в принципе неэффективны. Ведь в трансцендентальной логике «речь идет не о логической форме, а о содержании понятий...» (3, 315). Значит, речь идет о содержании категориальных понятий, т. е. категорий, а поскольку сами состав и структура таблицы категорий выведены из структур формальной логики, то намечается тезис о содержании самой логической формы, а значит, выдвигается диалектическая по своему существу проблема содержательности формальной, т. е., казалось бы, совершенно чуждой вопросам содержательности, логики. А поскольку трансцендентальная логика в аналитической своей части исследует генетическую дедукцию форм рассудочного познания, то уже в этом есть основания видеть зачаток функций диалектической логики в нашем ее понимании, поскольку последняя решает методологические вопросы генезиса теоретического знания и вообще ставит перед собой гносеологически и методологически содержательные задачи. Собственно диалектических форм познавательного мышления Кант в своей аналитике не выдвигает (в трансцендентальной диалектике одна из таких форм в зародыше появляется — это антиномия как задача для разрешения), его трансцендентальная логика отличается от «общей», т. е. формальной логики не по инструментарию, а, как мы уже видели, по характеру его применения, и поэтому диалектические параметры его трансцендентальной логики не следует не только преуменьшать, но и преувеличивать.

Но, несомненно, диалектическим по своей тенденции является общий замысел *синтеза*, пронизывающий все учение Канта о рассудочном познании и о его соединении с чувственным материалом познания. Когда отмечают проводимое Кантом различие между познанием и мышлением (это различие превосходно прокомментировал в своих известных исследованиях Г. В. Тевзадзе, в том числе в его книге «Иммануил Кант» [Тбилиси, 1979]), то уже в этом методологическом отправном пункте имплицитно содержится замысел Канта преодолеть противоположность между эмпиризмом XVIII в. и рационализмом XVII в., т. е. между растворением мышления в чувственном познании, с одной стороны, и абсолютным отождествлением познания с мышлением — с другой. А это и был замысел великого *синтеза*. (Было бы интересно в деталях показать, какую роль в этом замысле сыграла для Канта эстетика А. Баумгартена.)

Истолкование Кантом мышления как формального соединения понятий, а познания — как априорного синтезирования уже обретенного субъектом чувственного содержания было и метафизично и диалектично. Здесь различие между мышлением как просто процессом и познающим мышлением как целенаправленной деятельностью намечает глубочайшие диалектиче-

ские соотношения, но указываются эти соотношения посредством идеалистически-спекулятивного априористского шаблона. А сам Кантов синтез диалектичен через посредство своей же собственной метафизичности: условием связи чувственного и рационального у него оказывается, как мы знаем, предшествующее их резчайшее разграничение, а вместе их связывает то, что есть то и другое, а в то же время, строго говоря, не есть ни то, ни другое, ибо оно ни чувственное, ни понятийное, ни материал познания, ни содержание его мыслительной сферы. Это как бы нечувственная чувственность*, т. е. своего рода несозерцательная созерцательность, форма чистого созерцания и непонятийная понятийность, т. е. содержательная бессодержательность, категориальных форм познающего мышления.

И широко известный общий тезис Канта, что не созерцающая мысль и немыслящее созерцание должны быть соединены воедино, ибо «мысли без содержания пусты, созерцание без понятий слепы» (З, 155), имеет в себе соответственно и метафизическое (соединены как чуждые друг другу) и диалектическое (соединены как противоположности). Этот тезис имеет аналогию также в методологически «пестром» утверждении, что априорное нуждается в апостериорном, как и апостериорное в априорном, ибо априорное выявляется в содержании теории познания только через предшествующее апостериорное исследование ткани познания, а апостериорное, согласно Канту, не может быть ухвачено в науке без априорной его формы. Здесь идеализм переплетается с материализмом.

Действительная дедукция категорий у Канта означает зависимость не категорий от логических типов суждений, а наоборот, — производных логических типов суждений от категорий, так что трансцендентальная логика оправдывает собой существование логики формальной, но никак не наоборот. В этой *содержательной* линии зависимости чувствуется диалектический момент. И неудивительно, что набор категорий у Канта оказывается не так уж жестко ограниченным числом двенадцать, как он первоначально постулировал: их может быть больше, чем видов суждений, так как, «обладая первоначальными и основными понятиями, нетрудно добавить к ним производные и подчиненные понятия...» (З, 176). Правда, подчиненные категориям понятия были бы, так сказать, «полукатегориями», однако фактически «противоречие» и «тождество», как и другие рефлексивные понятия Канта, не менее важны, чем основные его категории. Недаром Гегель включил именно их в центральный раздел своего логического учения о сущности. Однако существенно то, что характер действия категорий и человеческого познания в целом «Кант принял за *субъекти-*

* Данный оборот (в отношении понятия пространства) Гегель употребляет в «Философии природы».

визм, а не за диалектику идеи (=самой природы), оторвав познание от объекта»⁷. Идеалистический характер Кантова априоризма мы не должны никогда упускать из виду.

О диалектических моментах строения системы рассудочных категорий у Канта писалось уже немало, основательно исследовал ее В. Ф. Асмус⁸. Вкратце обратим здесь внимание только на следующее. Кант, в отличие от Гегеля, полагал, что если бы категории вытекали одна из другой, то они не смогли бы сохранить свою изначальность. И все же их следует развить из общего всем им единого принципа, дабы не была разрушена системность их существования. Поэтому принцип субординации категорий был бы здесь чрезмерен, а принцип только их координации был недостаточен. Кантов ответ на эту поистине диалектическую проблему тоже диалектичен: «...третья категория (в каждом из четырех категориальных классов.— *И. Н.*) возникает всегда из соединения второй и первой категории того же класса» (3, 178). Здесь перед нами зародыш будущей гегелевской триады, тем более что третье звено в категориальных триадах Канта в отношении первых двух звеньев не есть ни их сумма, ни их простое логическое следствие. Налицо тут и родство и появление качественно нового, и тут не обойтись без «особого акта рассудка, не тождественного с актом рассудка в первой и второй категории» (3, 178). Перед нами зародыш будущего гегелевского «снятия» (*Aufheben*) одних категорий другими.

Глубинные корни категориального синтеза лежат, по Канту, в трансцендентальной апперцепции, которая призвана обеспечить синтез самого синтезирующего сознания (см. 3, 191—192). Трансцендентальная апперцепция у Канта есть окончательный источник активности формы знания в отношении его содержания и единства действия категориального аппарата как средства реализации этой активности. Это глубокая диалектическая проблема, Кантом не разрешенная: откуда возникает и как образуется трансцендентальная апперцепция? Ответа нет, и она похожа у Канта на вещь в себе с ее непознаваемой таинственностью. И Кант обращает свое внимание на другую сторону пути теоретического познания: уповая на «продуктивную», т. е. творческую, силу воображения, он видит свою задачу в том, чтобы обнаружить посредствующее звено между категориями и чувственностью, где продуктивная сила воображения действовала бы в универсальных рамках «схемы» времени как совокупность правил образования чувственных образов на основе категориальной сетки⁹. Это звено было бы «чистым (не заключающим в себе ничего эмпирического) и тем не менее, с одной стороны, *интеллектуальным*, а с другой — чувственным» (3, 221).

Смысл «схематизма» времени у Канта неоднозначен, потому что соотношение между чувственным и рациональным в

«схеме» колеблется. Иногда получается, что Кант предвосхищает положение об «узнающей» роли обобщенного опыта прошлого времени в отношении опыта будущего. Иногда возникает впечатление, что перед нами зародыш учения о примате идеализирующих абстракций над их конкретно-эмпирическими приложениями. Но *однозначности нет*. Бесспорно же то, что в учении о категориях и «схематизме» времени Кант в общем предвосхитил уже упомянутую теоретическую «нагруженность» эмпирии, т. е. опосредованность не только истолкования, но уже осознания и фиксации фактов предшествующими знаниями (не всегда четко теоретически выраженными). Ф. Энгельс в «Диалектике природы» и В. И. Ленин в «Философских тетрадах» отмечали этот факт как своего рода филогенетический априоризм в отношении простейших истин логики и математики.

Но общий идеалистический и метафизический просчет Кантом устранен не был. В диалектической по своему существу проблеме «стыковки» категорий и данных чувственного познания трансцендентальная эстетика и аналитика Канта на базе принципа априоризма вполне диалектического решения обрести не смогли. Как писал В. И. Ленин, «у Канта познание разграничивает (разделяет) природу и человека, на деле оно соединяет их...»¹⁰.

Обратим теперь внимание на переход от трансцендентальной аналитики Канта к разделу о трансцендентальной диалектике. Здесь возникает своего рода соединяющая перемычка: развивая далее ранее выдвинутые положения о деятельности рассудка, Кант выявляет здесь глубокие диалектические тонкости, которые впоследствии оказали свое влияние и на Гегеля. Это имеет место в «Приложении» к «Аналитике основоположений», в котором рассматриваются амфиболии, т. е. двусмысленности, возникающие в понимании рефлексивных понятий, когда ошибочно смешивают эмпирическое применение рассудка с трансцендентальным (иначе говоря: рассуждающим о вещах в себе как ноуменах). Как известно, это понятия *тождества, различия, противоречия, внутреннего и внешнего, материи и формы*.

Обычно считают, что подраздел о рефлексивных понятиях принадлежит к сфере рассудка. Это соответствует месту, занимаемому этим подразделом в «Критике чистого разума» и характеристике данных понятий Кантом как предикабилей, т. е. как своего рода вспомогательных категорий (наряду с предикабилиями перипатетиков «род», «вид», «свойство», необходимое и случайное). Есть точка зрения, что подлинное место рассуждений о рефлексивных понятиях и амфиболиях — в трансцендентальной диалектике, а О. Ланге, возвратившись к соображениям Г. С. А. Меллина (1797), отнес их даже к числу априорных понятий способности суждения. Одни коммента-

торы относятся к проблематике рефлексивных понятий и амфиболий без всякого интереса и даже пренебрежительно¹¹. Другие видят в этом подразделе лишь не очень интересную полемику против Лейбница, которая вызвана тем, что выведение им, Кантом, таблицы категорий из логической классификации суждений стирало отличие кантовского трансцендентализма от лейбницевого рационализма, и надо было поэтому данное отличие снова подчеркнуть¹².

Нам думается, что вопрос о смысле рефлексивных понятий и их роли в системе гносеологии Канта разрешается иначе. Сами по себе они есть вариант категорий и поэтому относятся к содержанию трансцендентальной аналитики, но проблемы, вызываемые ими, подготавливают проблематику трансцендентальной диалектики. Иначе говоря, именно здесь рассудок «заглядывает» впервые в сферу разума. И это потому, что здесь уже намечаются свои антиномии. Таково соединительное звено между двумя частями трансцендентальной логики.

«Критический» Кант был противником тождества бытия и мышления в любом его варианте. В антиномиях чистого разума он довел до предела различие между мышлением и бытием через призму попыток трансцендентального использования категорий «ограничение», «множественность», «целостность», «причинность», «необходимость» и противоположных этим категориям понятий, получаемых через действие категории «отрицание», обращенной на данные категории. Это очевидно, если сопоставить содержание категориальной таблицы Канта с категориальным составом тезисов и антитезисов антиномий. Но та же самая процедура в зачатке осуществляется в подразделе об амфиболиях чистого рассудка! Здесь пропасть между миром феноменов и миром ноуменов обрисовывается через посредство попыток трансцендентального использования предикабиллий.

Особенно интересен вопрос в применении предикабиллии (рефлексивного понятия) «противоречие». Имеют ли место противоречия в мире объективных вещей? Ответ Канта двойствен и, разумеется, ошибочен.

Если под объектами понимать мир явлений, то противоречия здесь могут быть найдены хотя бы эмпирически и вообще фактически. Таковы, например, противоречия, признаваемые Кантом в общественной жизни людей. Если же под областью объектов понимать мир вещей в себе, то к ней, по мнению Канта, «противоречие» и другие *concepta comparationis* (рефлексивные понятия) не приложимы, как не приложимы и собственно категории. И вообще «немыслимо противоречие между реальностями, т. е. такое отношение, при котором они, будучи связанными в одном субъекте, уничтожали бы следствия друг друга...» (3, 317). К тому же «связанности» причин и следствий, по Канту, в мире вещей в себе вообще не бывает, коль скоро там не может быть никакой иной причинности, кроме

ноуменальной, а значит, *не расчленимой* на причины, следствия и причинения и вообще непостижимой.

Кант, однако, считает, что о вещах в себе как ноуменах надлежит мыслить непременно с соблюдением априорного формально-логического закона непротиворечия, причем этот закон прилагается прежде всего к понятиям, а уже «через» них и к суждениям. Но это нормативное требование Канта *не связано* у него ни с его характеристиками эмпирической реальности, ни с его постулатами насчет той реальности, которую он считает непознаваемым миром вещей в себе. Разумеется, диалектический материалист не примет и кантовского понимания «противоречия между реальностями» в том смысле, что оно непременно приводило бы к взаимной аннигиляции следствий (дополнительный анализ видов следствий у Канта, из которых вытекают различные виды противоречий, нами проведен в статье «О четырех отрицаниях в философских трудах Канта», помещенной в 7-м «Кантовском сборнике», 1982).

Здесь, однако, нам важно акцентировать другое, а именно: невозможность, по Канту, такого ответа о наличии противоречий в мире, который был бы однозначным и для феноменальной и для ноуменальной сферы и который, если настаивать на *данной* его однозначности, невольно ведет к амфиболиям, т. е. к *противоречиям* двусмысленного употребления понятий в мышлении, означает, что трансцендентальная аналитика завершается в таком пункте, который уже предвосхищает кульминационный пункт трансцендентальной диалектики, — знаменитое учение об антиномиях чистого разума, средоточие субъективной диалектики Канта.

Могло ли быть решением возвращение Канта к тому, с чего он начинал, — к относительному слиянию чувственности с рациональностью в духе Лейбница, Вольфа и Баумгартена? Но об этом — в следующей статье.

¹ Vaihinger H. Kommentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft. Stuttgart, 1922. Bd. 2, § 1.

² Cohen H. Kants Theorie der Erfahrung. 3. Aufl. Berlin, 1918.

³ Adickes E. Kants Lehre von der doppelten Affection unseres Ich als Schlüssel zu seiner Erkenntnistheorie. Tübingen, 1929.

⁴ См.: Riel A. Der philosophische Kritizismus. Geschichte und System. 3 Bände. 1924—1926.

⁵ См.: Caimi Mario P. M. Kants Lehre von der Empfindung in der Kritik der reinen Vernunft. Versuch zur Rekonstruktion einer Hyletik der reinen Erkenntnis. Bonn, 1982, SS. 2, 24—25, 135—139.

⁶ См.: Нарский И. С. Западноевропейская философия XIX века. М., 1976, с. 40—41, где рассуждение ведется без различения субъекта на трансцендентальный и эмпирический, но с различием двух видов аффицирования.

⁷ Ленин В. И. Конспект «Науки логики». — Полн. собр. соч. 2-е изд., т. 29, с. 189.

⁸ Асмус В. Ф. Диалектика Канта. М., 1929, с. 81—85 и др.

⁹ См.: Нарский И. С. О гносеологическом смысле системы основопо-

ложений чистого рассудка. — В кн.: Кантовский сборник. Калининград, 1982, вып. 6, с. 19—21.

¹⁰ Ленин В. И. Конспект «Науки логики». — Полн. собр. соч. 2-е изд., т. 29, с. 83.

¹¹ См.: Benneth J. Kant's Analytic. Cambridge, 1966, p. 164.

¹² См.: Broecken (Klaß) R. Der Amphibolien-Kapitel der Kritik der reinen Vernunft. Der Übergang der Reflexion von der Ontologie zur Transzendentalphilosophie. Diss. Köln, 1970, S. 13.

Л. А. КАЛИННИКОВ

«Критическая» рефлексия как гносеологическое средство

Роль рефлексии в процессе познания — одна из весьма сложных и важных гносеологических проблем. В последнее время интерес к ней растет в связи с выдвиганием на первый план проблем герменевтики. Для диалектико-материалистической гносеологии рефлексия и саморефлексия в качестве проявления активности субъекта в процессе познания — хотя и не новая, но никак не ставшая еще традиционной тема.

В этой небольшой статье хотелось бы отметить несомненную заслугу Канта в выделении «методологической» рефлексии по поводу использующихся гносеологических средств, как способа усмотреть истину в процессе познания и избежать возможных ошибок. Часто весьма легко соглашаются с Гегелем в его упреке Канту: последний-де не замечает логического круга в своей постановке вопроса¹, каковой явно себя обнаруживает, если продолжить рассуждения хотя бы еще на один шаг: «...желать познавать до того, как познаем, так же несуразно, как мудрое намерение того схоластика, который хотел научиться плавать прежде, чем броситься в воду»². Сам Гегель, обнаружив этот гносеологический, или, что то же, методологический, круг³, ничего против него не имеет: в абсолютном смысле, поскольку имеет место, с его точки зрения, абсолютное тождество бытия и познания, средства познания и результаты познания тождественны. Однако в относительных актах познания (промежуточных актах) круг постоянно размыкается и оказывается моментом более сложного, спиралеподобного, движения познания, при котором то, что только что было результатом, само становится средством — и в таком виде дает новый результат...

У Канта же как раз в абсолютном смысле нет никакого круга, поскольку он постоянно разрывается самостоятельным по отношению к миру организованного опыта аффицируемым вещами в себе материалом: предмет познания не может быть признан полностью результатом примененных познавательных средств. В кантовской гносеологии, как пишет А. С. Кармин, «двуслойное» строение предмета познания отражает двойственность источников его «объективного» существования. Его пер-